

Виктор Олегович

ПЕЛЕВИН

1962

Виктор
ПЕЛЕВИН

*Лампа Мафусаила,
или
Крайняя битва
чекистов с масонами*

Большой полифонический нарратив

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 24

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-17967-7

© В. О. Пелевин, 2016
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Действие книги происходит в параллельной вселенной, все совпадения с которой являются кошмарным сном. Высказывания и склонности героев не являются выражением позиции или вкусов автора и служат исключительно характеристике персонажей для достижения глубокого и незабываемого художественного эффекта. То же относится к каббалистическим интерпретациям знаков «Алеф-Бет».

Идут белые снеги...

Евтушенко

Часть 1

Золотой Жук

Производственная повесть

Поскольку значительная часть моей истории (если не вся она) будет посвящена событиям с отчетливым мистическим привкусом, хочу сразу сказать, как я отношусь к этой самой мистике.

Я считаю себя одним из мелких лейтенантов Мамоны — и, как служитель серьезнейшего из земных мистицизмов, испытываю брезгливое недоверие к любым формам мистицизма декоративного — от косых хомяков, предсказывающих футбольное будущее, до мировых религий, не способных даже на это.

Я называю серьезнейшим из мистицизмов, конечно, ту его форму, которая помогла сказочно разбогатеть всемирно известным инвесторам — например, Джорджу Соросу или Уоррену Баффету. Как профессионал, я знаю: при отсутствии надежного инсайда подсказать, в какой момент покупать, а в какой продавать акции, валюты или коммодитиз¹, может только мистическое чувство.

Это нельзя раз за разом делать верно, опираясь лишь на «информацию», — дело в том, что современный мир производит ее в таком разнонаправленном, дешевом и обильно-пенном ассортименте, что выбор между ее взаимоисключающими векторами ничем не отличается от гадания на кофейной гуще. Зайдите

¹ Продаваемое на бирже сырье.

на CNBC, прочтите одни заголовки — и поймете, о чем я. Знание, к какому потоку информации прислушаться, — и есть ясновидение.

Еще за таким знанием может стоять инсайдерская осведомленность. Но инсайд, как известно, не бывает постоянным. Или, вернее, становится таковым исключительно при отбытии тюремного срока. Сидите себе *inside your cell*¹ вчера, сегодня и завтра... Так что герои финансового космоса не жулики, нет. Они мистики. Причем очень успешные. И помогает им не «инсайд», а «инсайт» — подобие особого духовного озарения, в котором они пребывают.

Во всяком случае, так я пишу в своих обзорах, когда работаю на Цивилизацию. Когда я работаю на Вату, мои взгляды несколько запутанней. Но об этом позже.

Поэтому я не то чтобы совсем не верю в мистику. Я в нее верю — но только что объяснил в какую. Архаичные суеверия не для меня. Я строгий и последовательный материалист — в том, что касается природы моего разума и окружающего мира. Но в Духа Денег я тем не менее верю всей душой, хотя и не пишу о нем в обзорах.

Противоречия здесь нет. Этот могучий Дух — такой же материалист, как я. Материалист до такой степени, что полностью отрицает свое существование — и вместе с ним его бытие тщательно скрываем мы, его слуги.

Теперь, надеюсь, дальнейшее будет понятней.

*

Скажу несколько слов о себе и своих корнях — просто чтобы не возвращаться к этой теме.

Мой отец был олдовым московским хиппи (многие сейчас уже не поймут, что это значит) и принадле-

¹ Внутри своей камеры.

жал к так называемой *системе* — полуэзотерическому, полунаркоманскому авангарду поколения, которое выросло перед самой советской Катастрофой и во многом ее подготовило. Я не видел папу ни разу. Вернее, наверняка видел, но не запомнил. Он умер от плохо поставленного укола, когда мне был всего год.

Среди московских хиппи было принято давать детям чуть-чуть необычные имена — как бы из зеленого ненасильственного будущего, сливающегося с былинным мультипликационным прошлым: Микола, Данила, Ермолай. В этом было что-то свежее и почти антисоветское — так, по воспоминаниям моей тетки, казалось в те дни. Но мой отец пошел значительно дальше.

Он назвал меня Кримпаем. Моя очень и очень молодая мама не возражала — это был крутой прикол по укурке. Когда папа умер, она сдала ребенка тетке из номенклатурной семьи (тоже одна из родовых черт *системы*), и воспитали меня уже там.

Помню свое первое детское постижение Отчизны: как-то после новогодних праздников, наслушавшись пьяных взрослых разговоров, я вдруг сообразил, что каждый календарный год у нас в стране бывает две холодные зимы — и только одно лето. Причем эти две зимы будут совершенно точно, что бы ни случилось, а вот насчет лета между ними — такой гарантии нет... С той самой поры я знаю, с чего начинается Родина. С зимы. И меня смешат любые разговоры об «агрессивности русских», согласившихся прозябать в таком месте со всеми своими танками и атомными бомбами, пока рядом коптят теплое небо всякие болгары и португальцы.

Мое самое яркое детское впечатление — дореволюционная карточка из альбома со старыми фотографиями, который мне давала иногда полистать тетка.

На карточке были изображены трое. Слева стоял лучащийся счастьем мужчина в игрушечной короне, с тонкими дворянскими усиками и несколько испитым лицом. Справа — удивительной красоты молодая женщина, глядящая на своего короля с насмешливым снисхождением. На руках у нее был ребенок в пеленках, уставившийся в камеру с испугом и надеждой — словно соображая, чего ему ждать от этого таинственного мира, выпятившего на него свой стеклянный глаз... Впрочем, все малыши выходят на фотографиях одинаково.

Такой снимок сегодня назвали бы студийным, постановочным. Мужчина с усиками был одет в театральную хламиду, а его корона походила на согнутое в обруч полотно большезубой пилы. Его спутница была в простом белом платье, но оно вполне могло сойти за античную тунику.

На обороте снимка сохранилась полустертая надпись тонким карандашом:

ЛИЗОЧКА, МАРКИАНЪ
И КРОХА МАФУСАИЛЬ

Моя тетка сказала, что это мои прапрадед с прапрабабушкой (ребенок, соответственно, приходился мне прадедом, что плохо укладывалось в голове). Как следовало из золотого штампа, карточку выпустило фотографическое ателье в девятнадцатом веке — но она была цветной, и цвета выглядели прилично. Наверно, ее раскрасили пастелью вручную, а потом покрыли лаком: зубцы короны были замечательно подсвечены множеством крохотных золотых блесток, делавших картинку очень живой.

Мафусаилом звали малыша — а Маркианом мужчину в короне. Это были редкие имена, и оттого я — обладатель столь же странного и необычного имени —

сразу проникся к этой дореволюционной семье нежнейшими чувствами. Выходило, дело не в папе-дураке, а в древней семейной традиции. Маркиан Можайский, Мафусаил Можайский, а еще через пару поколений — Кримпай Можайский. Вполне.

По семейной легенде, Маркиан украсил себя золотой короной, потому что нашел серьезный клад. Долгое время он жил с моей прапрабабкой в Баден-Бадене, где и был сделан снимок. О судьбе малыша Мафусаила сведений не сохранилось.

Вот здесь, наверно, и зародилась моя будущая страсть к золоту. Мне казалось, что корона на фотографии волшебная, и если долго-долго глядеть на ее поблескивающий обруч, люди со снимка заметят меня — и сообщат что-то очень важное с другой стороны вековой пропасти между нами... Я пробовал даже тереть корону, как лампу Аладдина — и оставил на бумаге пятно. Карточка потом куда-то потерялась, но я до сих пор вижу мерцающие золотые блески, как только закрываю глаза.

Когда я чуть подрос, тетка сказала, что мое имя — индийское и означает «герой». Типа «Рабиндранат, Рамана и Кримпай». Это меня вполне устраивало, и я ухитрился миновать самые чувствительные в смысле личностных запечатлений годы без всяких комплексов. Но уже в шестом классе умудренные порнографиком одноклассники с хохотом объяснили мне мой настоящий смысл.

Creampie — то есть «кремовый (или сливочный) пирог» — это особый жанр порно, где актер-мужчина не пользуется презервативом, завершает процедуру именно так, как замыслила природа, — а в конце клипа демонстрируется крупный план женского интимного места с вытекающим мужским семенем. Именно этот оптимистический, жизнеутверждающий кадр и назы-

вается «пирогом со сливками» из-за некоторого внешнего сходства.

Вот уж действительно — точное имя, прямодушно и без прикрас фиксирующее реальность: Кримпай Сергеевич. В известном смысле мой папочка превзошел французских экзистенциалистов — разве можно короче и лучше объяснить подрастающему человеку, что он такое и какая сила бросила его в мир?

Если русских зовут иванами, а немцев фрицами — то всех людей вообще зовут кримпаями. Но жить с таким именем от этого не легче.

Мои подружки (их было несколько, пока я не разобрался в себе), а потом и друзья называли меня «Крим». И да, шутка «Крим наш» уже была. Много раз, с кримом и без.

*

Однажды, когда я был еще совсем маленьким — лет восьми, — в окно дачи, куда тетка вывозила меня на лето, влетел странный бронзовый жук. Он был желто-золотого цвета, с легким красным отливом, и казался комком живого золота.

Я в это время сидел у стола и рисовал испанский галеон. Из его пушечных портов торчали дула орудий, а на палубе ровными рядами стояли сундуки с сокровищами, потому что в трюм все не помещалось.

Я успел только поднять глаза — и эта тревожно гудящая золотая пуля, разогнав по комнате широкую дугу, без всякого предупреждения ударила меня в лоб.

Я жутко перепугался, закричал, свалился со стула — и забился под стол. Жук сделал по комнате еще несколько кругов: его жужжание то приближалось ко мне, то удалялось. Я чуть не визжал от страха — мне почему-то казалось, что он нападет на меня снова. Но, прогудев еще раз прямо над моей головой, жук вылетел в окно.

Я никогда прежде не видел бронзовика такого странного цвета. Обычно эти жуки изумрудные — и чуточку отливают золотом. Но этот был отчетливо золотым, гораздо светлее — будто в его пигмент забыли добавить зеленую густоту. Он словно весь был покрыт чешуйками золота с моей любимой старой фотокарточки.

— Альбинос, — сказала тетка, когда я сообщил ей о случившемся.

— Что это значит?

— Ну, как трава бывает белая, когда растет под палаткой, знаешь? Наверно, вырос где-то под лопухом без солнечного света. Он тебя укусил?

— Нет, — сказал я. — Или... Не знаю.

Вечером тетка дала мне книгу. Это был сборник Эдгара По, заложенный на рассказе «Золотой Жук». Я прочел эту удивительную историю очень быстро, не расставаясь с книгой даже в туалете.

Если кто не читал — это рассказ о том, как золотой жук привел героя к пиратским сокровищам. Там фигурирует прибитая к ветке мертвая голова, через глазницу которой пропускают жука на нитке, пергамент с козлом, черепом и шифром, появляющимися после прогрева, и прочие романтические атрибуты.

Сказать, что рассказ произвел на меня впечатление, — значит ничего не сказать. Он меня, как говорили когда-то партийные литераторы, перепахал. Вернее, вспахал — провел в моей душе ту единственную борозду, которая и осталась в ней от всей мировой литературы. Я помнил «Золотого Жука» почти наизусть.

Кстати сказать, когда я позже прочел его в оригинале, оказалось, что в переводе многое утрачено — один из кладоискателей, негр Юпитер, очень смешно говорит по-английски, и По передает это, заставляя его произносить одни слова вместо других.

Сейчас беднягу Эдгара Аллана освистали бы: во-первых, за слово «негро», во-вторых — за изображение рабской сущности афроамериканца (отпустили на свободу, но даже угрозами не заставили уйти от господина). Словом, в наши дни «Золотой Жук» По неактуален по многим причинам. Но тогда было совсем другое время.

Вооружившись сачком и — для окончательной уверенности в себе — большой линзой, за секунду превращавшей муравьев в синий дым, я отправился искать своего жука и посвятил этому много летнего времени. Но мне попадались только зеленые бронзовки. Я некоторое время сортировал их по фанерным спичечным коробкам, бывшим тогда в ходу, — но потом мне надоело.

Постепенно я забыл про Жука, и он тоже не напоминал о себе очень долгое время.

*

Моя московская юность была малоинтересна из-за своей обычности, и рассказ о ней я опущу. Я окончил школу и финансовый институт — и плавно вписался в жизнебизнес, сразу же выйдя на приличную дорожку (или даже орбиту). Некоторое время я работал банковским функционером, а потом стал серьезным трейдером. Я греб деньги лопатой — для других и для себя, — и все в моей жизни было, как говорил мой куратор из органов, *чики-чик*. Но главное, я по-настоящему любил свою работу. Ее трудно было не любить.

Я специализировался по золоту, оно росло, и у меня появлялось все больше клиентов, желающих быстро получить прибыль. Совсем по-крупному я начал работать в конце нулевых годов, когда лопнул очередной американский пузырь, включилось «количественное смягчение» (то есть долларový станок) и золото быстро и неостановимо пошло вверх.

Если вы держите хотя бы миллион или два доллара в золоте, вам не надо ходить в казино. А также смотреть кино или лазить в фейсбук. Просто сидишь себе у экрана, глядишь на меняющийся в реальном времени график и вздрагиваешь: «Уй, только что десятку потерял... А теперь двадцатку заработал... Ой, опять упал на пятнадцать...»

Сидеть так можно весь день и всю ночь, и ни капельки не наскучит. Захватывающий интерес гарантирован, и никаких других сильных переживаний душе уже не надо. Этот прыгающий черно-зеленый график будет посильнее и «Фауста» Гёте, и Бхагават-гиты, вместе взятых: эмоции и ум вовлекаются в бдение над его зигзагами куда сильнее, чем в сопереживание всяким художественным «характерам» (которых «люди искусства» и придумывают-то лишь ради того, чтобы и самим когда-нибудь нырнуть в акции, золотишко или открыть патриотический фастфуд-фэшн).

Особенно богатое содержание открывается за графиком XAU/USD, то есть стоимостью золота в долларах — или, что то же самое, стоимостью доллара в золоте (хотя говорить так неполиткорректно — это значит назвать золото деньгами, а доллар непонятно чем).

Чтобы оценить всю драматургию происходящего, надо немного представлять, что такое USD, что такое бумажное XAU, которым торгует «Комекс»¹, и что означают развороты этого графика.

«Вот, поднялось... Кто-то десять тонн цапнул, не меньше... Началось? Развернулось? Нет. Опять пятнадцать тонн скинули... Это где, в Нью-Йорке или

¹ «Commodity exchange», рынок, где торгуется основная масса золотых фьючерсов — контрактов на поставку золота к определенной дате, которые, как правило, остаются «на бумаге» и служат только для спекуляции.

Шанхае? В Нью-Йорке, где еще... Ой. Вот скакнул так скакнул... И держится, держится! Вот теперь началось. А, нет... Это шортселлеры¹ контракты выкупают, чтоб не попасть под раздачу... Забегали, забегали, как тараканы под кипятком...»

Именно этому экранному бдению и были посвящены мои лучшие дни — хотя я рулил в основном не своими деньгами, а чужими.

Оглядываясь сегодня на свою еще очень далекую от завершения жизнь, я вспоминаю не детство, не любовные приключения разного рода, а именно эти мгновения у монитора, когда новый излом графика раз в десять секунд выпрыгивал из вертикальной черты настоящего момента — как бы из столба, к которому было привязано время, — и менял всю вселенную. С тех пор я точно знаю, что время движется справа налево, как этот график.

Этот же график делает тебя философом. На нем видно, как относительно и зыбко все то, на что мы полагаемся, как забывчив наш ум и волатильно сердце.

Когда из-за атаки шортселлеров золото падает за один день с 1135 до 1080 долларов за унцию, это кажется чуть ли не падением Берлина. Зато всего через месяц, когда оно так же быстро поднимается с 1045 до 1080, тот же рубеж представляется почти победой под Курском. И эти два диаметрально противоположных чувства, вызванных одной и той же цифрой, совершенно искренни и заполняют душу целиком — хоть разделяет их всего тридцать дней...

Что же говорить о человеке, затерянном в истории, где временные интервалы куда больше, происходит нечто мутно-неясное, а внятных нумерологических ориентиров нет вообще?

¹ Спекулянты, играющие на понижение.

Я верил в золото всерьез — это было похоже на любовь. В те дни все выглядело элементарно: на моей стороне был многовековой опыт человечества. За меня был, в конце концов, сам доллар — не зря ведь Америка отказалась в свое время от золотого стандарта. Золоту полагалось расти бесконечно — такова в те дни была мейнстримная мудрость, и я верил в нее вместе со всеми. И потом, я просто любил блеск этого металла, приятную визуальную тяжесть его брусков, повторяющиеся девятки на полированной желтой поверхности...

Я стал классическим примером того, что называется «Gold Bug», — инвестором, верящим только в золото. Я знал, конечно, это выражение, и оно мне нравилось. Я иногда вспоминал с усмешкой бронзовика-альбиноса, стукнувшего меня в детстве по голове, — и видел теперь в этом своего рода знамение.

Я даже сделал на спине тату — большущего золотого жука (художник составил его из красных, зеленых и желтых блесток на темном фоне — и получилось вполне прилично, хотя моему любовнику Артуру всегда мерещилось, что это голова дракона). Под жуком было готическое слово:

ХАУБУГ

И еще у меня было кольцо с большим золотым скарабеем — мне казалось, что это в точности тот самый жук, который навестил меня в детстве, а прежде водил знакомство с Эдгаром По. Я носил его на большом пальце — словно ХАУБУГ присел на мою руку отдохнуть.

Я понимал термин «тотем» лучше любого антрополога. Золотым жуком был я сам. Я уверенно полз

вперед и вверх по графику, давя своим тяжким желтым телом смешные бумажные валютки. Если вы посмотрите на кривую цены золота за последние двадцать лет, вы увидите длинный крутой подъем, начавшийся вместе с новым миллениумом. Вот именно по нему я и карабкался к вершинам, гордо озирая пораженный кризисом мир.

Тогда казалось, что это навсегда — и меняться будет только наклон графика. Так писали серьезные эксперты, с ними соглашались обозреватели... И я верил этому постоянно звучащему в финансовой прессе хору Серьезных Голосов. А потом...

*

Собственно, все видно на графике.

Золото дошло до 1900 долларов за унцию — и стало прыгать вверх-вниз. Протрубила труба Сороса — шептались, что через него делает свои объявления Картель. Золото, сказал он, плохая инвестиция. Никто сперва не поверил. И тут начались гигантские сбросы бумажного золота на «Комексе».

Говорили, что из ХАУ выходят ETF'ы¹, — но точно никто ничего не знал. Никто пока не понимал, кто за этим стоит, Картель или Спекуляторы (я специально не пользуюсь словом «спекулянты», чтобы обремененный советским опытом читатель не подумал, будто я говорю о чем-то ему понятном; если коротко, в финансовом мире Картель — это боги, Спекуляторы — это титаны).

Конспирология расцветала. Вообще, все золотые жуки — естественные конспирологи. Это родовое, как две черные точки на спине скарабея у Эдгара По.

¹ Exchange traded funds, биржевые инвестиционные фонды.

Те, кто боялся произнести слово «Картель» (я имею в виду западных финансовых журналистов), говорили, что ФРС начала третий раунд количественного смягчения, чтобы помочь Обаме попасть на второй срок — по статистике кандидат правящей партии практически никогда не может переизбраться, если фондовый рынок падает. А как только биржу накачали дешевыми деньгами, акции пошли вверх — и инвесторы стали перебрасывать свои деньги из золота на фондовый рынок, чтобы заработать на ралли... Не знаю. По моему, сказать «работал Картель» (yes, we can!) — это то же самое, только короче.

В общем, версий существовало множество, скачки вниз были такими быстрыми и мощными, а надежда отыграть потерянное такой сильной, что вместе со многими я не успел выйти из XAU вовремя и потерял деньги. Надо было продавать, а я медлил и медлил... Ответственность за промедление была на мне. Золото прыгало между 1900 и 1600 долларами за унцию достаточно долго, и все надеялись на реванш — а потом его вдруг очень быстро обвалили до 1200. Как вскоре выяснилось, и это не было пределом.

Все было бы ничего, будь деньги моими. Но я потерял очень большую сумму чужих.

ОЧЕНЬ.

В прямом физическом смысле никто не лишился ничего — у клиента осталось его золото. В банковском сейфе в Монако сохранилось все до последнего брусочка. Но стоило оно теперь на тридцать процентов меньше.

Специфику своей работы я раскрывать не буду — подобные схемы действуют до сих пор. Суть дела была такой, что предъявить мне формальные претензии было трудно — прямых распоряжений о продаже ко

мне не поступало. Но в нашей стране, как известно, работают не с документами, а с людьми.

Я потерял деньги не какого-то подмосковного депутата, а генерала ФСБ Капустина. Это объяснил мне партнер, вместе с которым мы вели дела.

Клиенты пришли с его стороны, и у него было три версии происходящего. По одной из них, чекистов сильно напугал один из их экономических консультантов («экономист хэ», как выразился партнер, имея в виду не то фамилию, не то сокращенный эпитет), обещавший скорый и необратимый крах доллара. По другой версии, это были не личные средства Капустина, а чекистский общак или вообще какой-то секретный фонд. По третьей — проводилась спецоперация, где нас использовали втемную.

Но сам я предполагал, что дело в другом.

У конторских в то время было принято вкладываться в нефтянку, но Капустин, видимо, помнил, как кончился СССР, — и понимал, что скоро сделают с нефтью. Поэтому он решил уйти в золото, доверившись двум золотым жукам. Делал он это втайне от своих, поскольку те могли посчитать такое поведение крысятничеством. Отсюда и выбор таких не слишком серьезных посредников.

Этот Капустин занимал в конторе какой-то важный секретный пост. Разумеется, деньги были записаны не на него и не на прямых родственников — а на совсем левых людей, и никакое расследование ни за что не привело бы к самому генералу. Но я быстро понял, насколько все серьезно.

Моего партнера, с которым мы вели дело, убили.

Причем убили с особой даже для наших мест жестокостью: сожгли в лесу на старой советской кровати, разведя под железной сеткой костер. Во рту у бедняги

нашли обгорелый кляп, из чего следовал вывод, что жгли его не для того, чтобы заставить говорить, а для того, чтобы причинить ему боль, не привлекая внимания. Это, очевидно, ждало и меня самого.

И я понял то, что время от времени понимает в нашей стране каждый: девяностые вовсе не кончились. Просто раньше они происходили со всеми сразу, а теперь случаются в индивидуальном порядке.

Я попытался связаться с номинальными владельцами потерянных денег. Но они не стали со мной говорить — телефон молчал. Я продал собственное золото — все накопленные сбережения, примерно на два миллиона долларов, — и перевел им. Продавать пришлось близко ко дну, сам я потратил на свое ХАУ куда больше... Но даже отдав все, что у меня было, я не смог покрыть и малой доли потерянного.

А трубка молчала и молчала.

У меня началась депрессия. Удручал даже не этот внезапный прыжок из обеспеченности в нищету — такое в жизни бывает, — а моя метафизическая, так сказать, капитуляция: я продал Золото. Продав все свое Золото... Отдал за электронную фикцию своего Жука.

Моя жизнь не имела больше смысла.

Я чувствовал, что меня со дня на день убьют, и, скорей всего, самым жестоким образом. Смерти я боялся гораздо меньше, чем боли, — и со мной случился нервный срыв.

Я решил уйти из жизни сам. Поверженный ХАУBUG на моей спине был даже рад такому повороту событий.

Самоуход, как я целомудренно назвал про себя задуманное, казался мне наиболее уместным решением: я был уверен, что процедуру можно будет сделать безболезненной и совсем не страшной.

Я отправился к своему дилеру. Это был бойкий парень по имени Сер. Так он сокращал «Сережа», имея в виду не фекальный глагол, а адскую серу. Но я подозревал, что он таким образом борется со своей латентной гомосексуальностью: «Сергей», то есть «серый педик», — очень эффективное в смысле метапрограммирования имя, и носят его, как правило, яркие гомофобы.

Для обоснования своей адской претензии у Сера на стене висели верительные грамоты: слева — постер с престарелым Миком Джаггером в парчовом пиджаке, справа — другой постер с вписанным в перевернутую звезду козлом, а между ними — большие старинные счета, превращенные в предмет искусства.

Костяшки счетов были переделаны в черепа тончайшей резьбы — в результате чего получилась уменьшенная модель ацтекской храмовой стойки «tzom-rantli». Это объяснил мне сам Сер, мимоходом упомянув, что ритуальный объект хранится у него с тех времен, когда он продавал пейотль. Думаю, он врал, а счета достались ему от сумасшедшего дедушки-бухгалтера, у которого на пенсии было много свободного времени.

По виду Сер походил на программиста-надомника; два сервера, стоявшие у него в комнате, были на самом деле сейфами, где хранился товар (при этом они работали — и при снятии внешней панели умиляли дрожью разноцветных огоньков).

Видимо, от экзистенциального страха Сер постоянно удалбывался — вернее, даже утрамбовывался каким-то недорогим медицинским препаратом («акселем», как он его называл) в туповатую и добродушную колбаску, ничему не удивляющуюся и настолько

готовую к любому повороту судьбы, что было даже непонятно, почему мировая олигархия еще не превратила в таких колбасок нас всех. У него от этого «акселя» менялся голос — в задушевную сторону. Казалось, он вот-вот заплачет.

Я не был наркоманом — во всяком случае, в социальном смысле. Обычно я прикупал у Сера препараты, с помощью которых мы с Артуром делали наши отношения значимей и глубже, как поступают в наших кругах многие. Но в этот раз я прямо объяснил, что мне нужен билет в рай. В один конец.

Сер за свою карьеру успел повидать всякого — и удивился не особо.

— А если меня потом найдут и прикопают? — спросил он.

— Тебя не найдут.

— Все знают, что ты берешь у меня.

— Никто не знает, — ответил я. — Я никому не говорю.

— Я сам говорю, — криво улыбнулся он и показал пальцем вверх. — Капитализм — это учет. По-другому у нас никто не работает.

Можно было догадаться — раз куратор имелся даже у меня, то тем более был у него.

— Я напишу записку, — сказал я. — Напишу, что я сам. И прошу никого не винить... А тебе отдам все деньги, какие остались. Шесть тысяч долларов.

Сер отказал.

Но тем же вечером он позвонил — и сказал, что согласен.

— Тебе как хочется? — спросил он, когда я принес деньги.

— Тихо и спокойно, — сказал я. — И без боли.

— Это не так просто.

— Почему?

— Потому что человек так устроен, — ответил он. — Его сложно убить безболезненно. Боль — наша внутренняя сигнализация, что дело плохо. И контуров этой сигнализации в организме очень много.

— Я думал, — сказал я, — уж что-то, а этот вопрос человечество решило.

— Только внешне.

— В каком смысле?

— Смерть считается безболезненной, если человек не кричит «уй, мама!». Но что при этом чувствует мозг, не знает никто.

— Неужели? — изумился я.

— Даже в американских тюрьмах, — ответил Сер, — не могут сделать нормальную летальную инъекцию. Я недавно одну статью читал — там написано, что после стандартного терминального укола приговоренный испытывает жуткие муки, просто это никому не заметно из-за паралича лицевых мышц и головных связей...

— Ты меня не пугай, — пробормотал я. — Мне и так страшно.

— Я не пугаю. Я, наоборот, сказать хочу, что сделаем безболезненно. В смысле отpravку. Я знаю как — мы всю твою сигнализацию отключим по очереди, в нужной последовательности. А дальше... Не от меня зависит.

— Думаешь, там что-то есть?

Сер пожал плечами:

— Сам пока не был.

— Ничего там нет, — сказал я. — И это меня устраивает. Больно точно не будет?

— Точно. Забудешься под тихий шум дождя...

Мне понравилась эта картина. В ней был какой-то древнеяпонский уют: самурай делает харакири на

опушке соснового леса, и ему совсем-совсем не больно — он любит соснами и слушает тихий шорох капель...

Если вдуматься, вся культурка, которой нас откармливают, — книги, фильмы, религии — примерно об этом. А потом каждому приходится стать этим самураем самому — и лично проверить, как обстоят дела.

Я отдал деньги и получил от Сера кристалл, похожий на грифель зажигалки, немного бурого порошка и толстую пилюлю из двух пластиковых половинок, обернутую на стыке чем-то вроде полоски скотча («для дополнительной гарантии»).

— Ну, как говорится, ни пуха ни пера, — сказал Сер.

Он был настолько утрамбован, что это прозвучало вполне нормально. Я подумал, что речь в этой мрачной поговорке идет о земле, парящих над ней ангелах и неясных перспективах атеистического посмертия.

Записав последовательность, в которой надо было принимать последние подарки судьбы, я отправился домой.

У моего подъезда стояли двое. Они кого-то ждали. У одного в руках был букет цветов — в таких прячут заточку или арматуру.

Я очень испугался, что не успею уехать по льготному билету. С трепетом пройдя мимо (они, к счастью, ждали кого-то другого), я уже не колебался — и, добравшись до своей квартиры, приступил к процедуре немедленно.

Ничто не придает человеку такого мужества, как страх. Когда невозможно становится жить, умирать даже любопытно. Я принял душ, но прощальной записки писать не стал. Иногда молчание — знак несогласия.

Пелевин В.

П 24 Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами : повести / Виктор Пелевин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-17967-7

Три поколения дворянской семьи Можайских служат Отчизне в XIX, XX и XXI веке.

Роман состоит из четырех взаимосвязанных частей: производственная повесть «Золотой жук», оформленная как мемуар финансового аналитика Кримпия Можайского, нашего современника; космическая драма «Самолет Можайского», в которой описываются битвы вселенского масштаба, разворачивающиеся в подвале усадьбы скромного отставного офицера Маркиана Можайского; исторический очерк профессора Голгофского «Храмлаг», основанный на донесениях Мафусаила Можайского, о возведении масонского Храма Соломона за колючей проволокой; и, наконец, оперативный этюд «Подвиг Капустина», где действие почти полностью вынесено в сновидение героя.

«Все духовные объекты, мерцающие сегодня в гуманитарной вселенной, сделаны из денег. И основной — вернее, единственный — вопрос философии звучит в наше время так: из чего сделаны сами деньги? Но философы умные ребята и молчат по этому поводу в тряпочку».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВИКТОР ПЕЛЕВИН
ЛАМПА МАФУСАИЛА,
ИЛИ
КРАЙНЯЯ БИТВА
ЧЕКИСТОВ С МАСОНАМИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Шнитникова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.03.2020. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BAK-26536-01-R